

Н. ХРАБРОВА,

Фото М. САВИНА.

Специальные корреспонденты
«Огонька»

А еще эту страну называют раем. И не кто-нибудь, а материалист Анри Барбюс говорил, что она настоящий рай, только земной, реальный.

По утрам здесь первыми просыпаются и поют горы. Затем раздаётся детский смех. И тотчас же у моря и на склонах гор загораются состоящие из треугольников алые рассветы, они перемещаются, меняют форму, собираются в длинные полосы. Это красногалстучные дружины выстраиваются на линейку, это пионеры Артека начинают свой день.

го любой день становится добрым и ласковым, любой приезд — счастливым.

Ну, здравствуйте, мои кипарисы! И ты, старая магнолия, с которой вечером 19 июня 1941 года мои новые коллеги — вожатые Володя Дорохин и Толя Пампу — тайно сорвали и преподнесли мне, потрясенной северянке, умопомрачительный белый цветок. Магнолия, здравствуй! Ведь, кроме кипарисов и магнолии, я здесь ну совершенно ничегошеньки не узнаю — так изменился Артек.

С этим новым Артеком мне предстоит знакомиться, следуя за флажком Алешей Ефимовым.

Видно, солнце решило помочь нам с Алешей — выбралось из-за туч, залило золотом землю и море. Идет в солнечном мире отряд, поет песню совсем в лад моим мыслям:

Артековец сегодня, артековец сегодня —
Артековец всегда!

Рядом с нами идет вожатая отряда Надежда Павловна Разборова из дружины Лазурной.

— Лазурная — это бывший Суук-су? — уточняю я и начинаю гнуть свое, ибо именно в Суук-су я приступила к работе. — Самый лучший в мире лагерь.

— Конечно, — весело соглашается Надежда

очень любил Аркадий Гайдар; что в Морском лагере был частым гостем Юрий Гагарин, жил с ребятами во-он в том синеньком корпусе; что за послевоенные годы здесь побывали дети более чем из шестидесяти стран.

Потом одиннадцатый отряд остановился у бронзового бюста и отдал салют: Тольятти тоже любил Морской лагерь и бывал здесь... А затем Надежда Павловна подвела нас к маленькому белому домику со сдвоенными окнами и сдала с рук на руки своей тезке — учительнице Надежде Петровне Ветровой.

— Вы уже побывали на том месте, где полвека назад, шестнадцатого июня двадцать пятого года, проходила первая линейка? — спросила Надежда Петровна.

— Побывали! — вместе с отрядом воскликнули мы.

— Тогда слушайте... Жил-был на свете очень хороший человек. Революционер, близкий друг Дмитрия Ульянова и всей семьи Владимира Ильича, царскую тюрьму прошел и ссылку. После революции стал заместителем наркома здравоохранения, заботился о том, чтобы поскорее исчезли в нашей стране болезни прошлого, болезни нужды и горя. Знаете, о ком говорю?

В СТРАНЕ ТРЕУГОЛЬНЫХ РАССВЕТОВ

ЗА АЛЕШЕЙ ЕФИМОВЫМ ПО СТАРОМУ СЛЕДУ

Сначала из-за поворота вылетел отрядный флаг — на древке крепко стиснуты мужественные, исцарапанные, в чернильных пятнах Алешкины руки, и тут же появился сам Алеша. Увидев нас, он метнул за спину взгляд и воззвал:

— Отряд!

Отряд выровнялся в мгновение ока и тридцатью голосами дружно сказал нам:

— Всем, всем, всем — добрый день!

Я приехала сюда отнюдь не для воспоминаний. Но попробуй уйди от них, если...

...нырля с вершин в долины автобус, рейс Симферополь — Артек, и на меня сыпались вопросы:

— Вожатая, вожатая, а что это за деревья?

— Еще не знаю, я ведь их тоже вижу первый раз, скоро узнаем.

— Может, здесь елки такие?

— Да нет, скорее кипарисы, я их на картинке видела.

Разговор шел на эстонском языке, я везла в Артек первую группу эстонских пионеров 1941 года, и некому было поправить меня, сказать, что это пирамидальные тополя. Очень я была посрамлена, когда увидела в Артеке кипарисы. Но тут же забыла об этом, потому что мы еще только выходили из автобуса, а многоголосый лагерь уже говорил нам в один голос:

— Всем, всем, всем — добрый день! Всех, всех, всех — с приездом!

Так приветствуют только в Артеке, и от это-

Павловна, — а самый лучший в мире отряд — мой, одиннадцатый. Я приехала сюда из Челябинска по направлению обкома комсомола, скоро два года, как здесь работаю, и надо уезжать — передавать артековский опыт работы Челябинской пионерской организации. Все эти два года каждый мой отряд казался мне самым лучшим. У вас тоже так было?

Еще бы! Только мои не казались, они на самом деле были самыми лучшими: отличники, пионерские активисты военных лет, каждый из них немало сделал для помощи фронту.

— Мы идем на экскурсию в Морской лагерь, до войны он назывался Нижним, — говорит Надежда Павловна.

А я вспоминаю — это была та единственная экскурсия, которую для нас успели провести за день до войны. Значит, иду по своему старому следу. Ревниво прислушиваюсь ко всему, что говорит вожатая пионерам. А она, однако, хорошо рассказывает! Ни на минуту не дает остыть ребячьему интересу. Говорит:

— Вдоль моря идем, морем любимся, морю улыбаемся! — И совершенно невозможно не улыбнуться заблестевшему золотому морю.

Еще она говорит:

— Теперь подойдем к самой волне и побросаем камушки.

И знаете, каким увлекательным оказалось это простецкое дело — бросание камушков? Лазурники то по-петушиному подпрыгивали, то застыли в позе античных пращеметателей, то, сдвинув пилотки, намечали в зыби некую неведомую цель. Мы пошли дальше. Рассказывала Надежда Павловна, что этот берег

— О Зиновии Петровиче Соловьеве!

— Зиновию Петровичу уже очень нездоровилось, когда он появился в Крыму. А Крым лечил, радовал, вдохновлял. И Зиновий Петрович не был бы самим собой, если бы не странствовал по побережью и не размышлял о том, как превратить Крым в это самое благо, каким он стал теперь для всех нас. А больше всего он думал о том, что пыль и дым по-прежнему разъедают легкие детей с фабричных окраин. Здесь же, у горячего кремнистого берега, пляшет и поет теплое море и урочище Артек между Аю-Дагом и Генуэзской скалой похоже на добрые ладони матери, протянутые к волнам...

И вот встали там, где теперь Костровая площадка Морского, первые добытые Соловьевым брезентовые армейские палатки, приехали первые пионеры. Иные были в лаптях, иные босы, путевые записи их были короткими: как кормили в дороге и здесь, в Артеке. Одной из самых сложных проблем Артека бы-

Артек — это дружба.

На развороте вкладки:

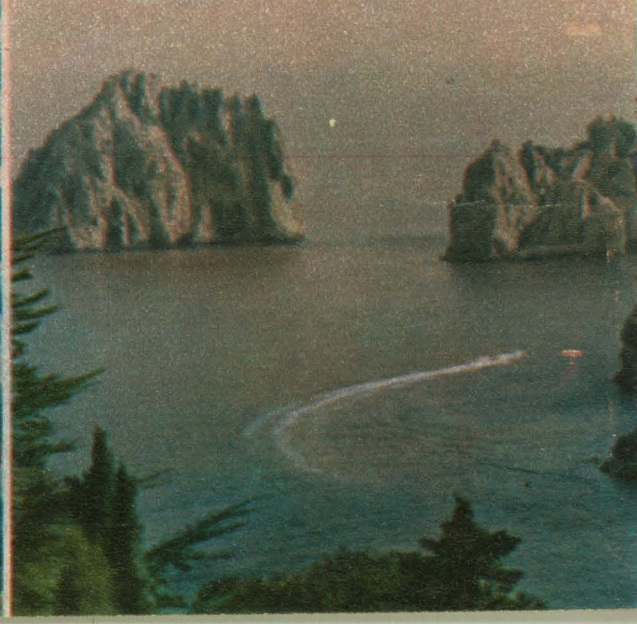
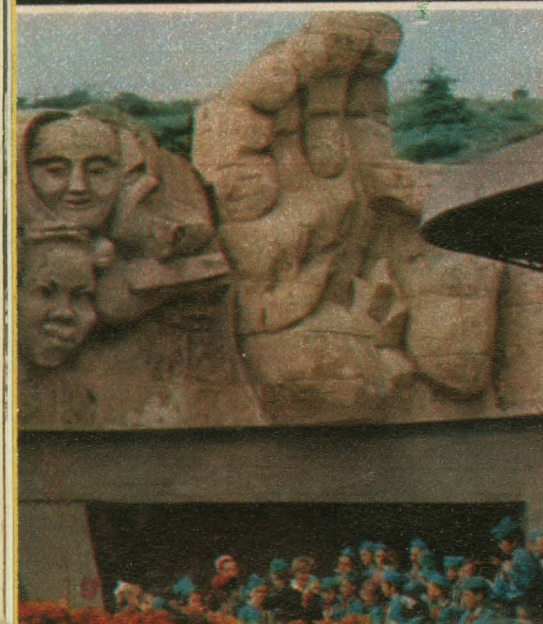
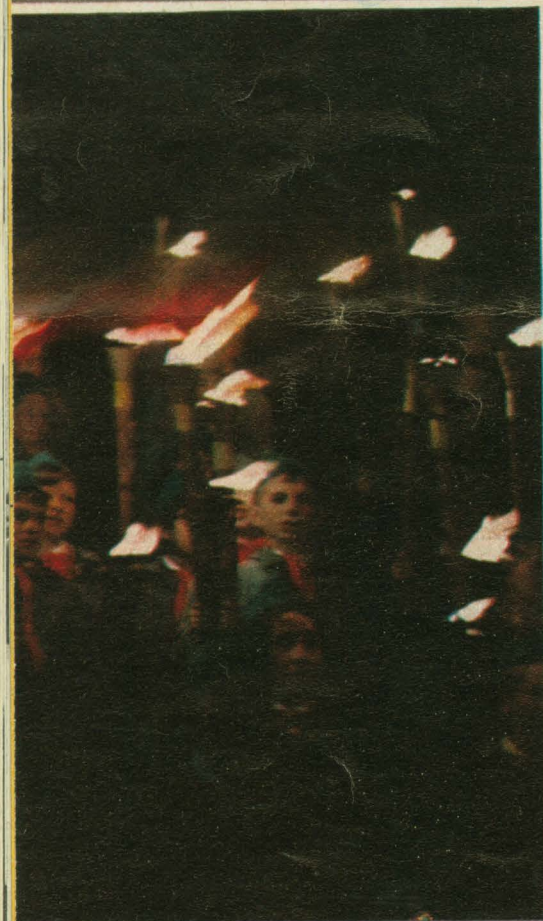
Взвейтесь кострами...

В поход!

ла забота о еде. А Зиновий Петрович добивался не только еды, но и столовых приборов и даже салфеток! Он составил для пионеров наказ — чтобы, встав, делали гимнастику, как следует заправляли койку и хорошенько умывались. Он учил отдыхать — час сна после обеда считал обязательным. Он поселил в Артеке чувство постоянной заботы и ответственности за детей и был сторонником разумной требовательности.

Его здесь помнят и любят, и перед небольшим обелиском в память о нем все отряды всегда отдают пионерский салют.

Еще мы постояли с одиннадцатым отрядом Лазурной у Поста № 1: у памятника Неизвестному матросу — защитнику и освободителям Артека. На высокой скале над морем стоит скульптура, и без нее Артек теперь уже невозможно представить. Алеша крепко держал флаг, и снова отряд вскинул руки — салют тем, кого нет с нами.

РЕПОРТАЖ О РЕПОРТЕРАХ

А смена-то в те дни была в Артеке какая — юнкорская! Наверное, со стороны на нас глядеть было странно: встретятся на дорожке взрослые и дети и сразу хватаются за блокноты и фотоаппараты.

Со своим местническим патриотизмом (ах, Суук-су!) я, однако, скоро распрощалась: в какой лагерь ни приду, каждый кажется теперь самым лучшим. Коллеги-юнкоры никак арбитрами быть не могут: у них свой патриотизм. В зависимости от того, кто в какой дружине живет. В Кипарисном осторожно пытаюсь узнать у Саулюса Повилайтиса, диктора передач «Пионерский горн» литовского радио, во всех ли дружинах он успел побывать.

— Во всех, — говорит Саулюс, — а вы?

— И я во всех. А какая тебе больше нравится?

Саулюс изумленно поднимает брови:

— Но раз вы были во всех, так сами же видите: Кипарисный наш — самый лучший. Тут все рядом: скала, море, одних кипарисов две с половиной тысячи. А вожатые! Наша Наталья Андреевна знает, какой прекрасный горнист, у нее вся дружина уже научилась; факт, на конкурсе горнистов будем лучшими. А ребята! Они же все во взрослой прессе печатаются. Алла, Алла, иди скорей сюда, вот знакомьтесь — Алла Ржаницына из Красноярска, она в своей городской газете заметку написала «Так делают пианино» — будь здрав!

Я после этой Саулюсовой тирады совсем было укоренилась в Кипарисном. Собрались вечером поговорить, уехали ребята рядом со мной все с блокнотами. Я их расспрашивать собираюсь, а они — мне вопрос:

— Вы всегда без блокнота работаете?

— Нет, что вы, с блокнотом, только я его от корки до корки исписала.

Огляднуться не успела — у меня уже клетчатая тетрадка в руках: можно интервьюировать. Спрашиваю Колю Лахневича, семиклассника из Белоруссии, из деревни Грабово:

— Какая у тебя была первая заметка?

— Проблемная статья! — смеется Коля. — Я заметил, что многие люди читать не умеют — бегают глазами по строчкам и ничего не осмысливают. У таких ни любимой книги нет, ни любимого писателя. Вот я и написал статью «И читать треба уметь». На белорусском языке. В районной газете напечатали.

На уроке труда.

Праздничное шествие.

Монумент дружбы народов.

Света Токарева — юнкор из Приморья.

На добрую память.

Пионерский архипелаг.

— А последняя?

— О ветеранах войны, живущих в нашем районе. К тридцатилетию Победы. С героическими людьми познакомился, а с виду — совсем обычные.

А вообще-то Коля за четыре года юнкорской работы напечатался 15 раз.

Записываю и записываю в клетчатую тетрадку темы, с которыми выступали Сережа Ячменев и Ира Савченко из Ивановской области, Вася Петухов, Валера Голуб и Лина Пааль из Карелии, Ильмар Саетгаев, Разиля Усманова и Зифа Давлетбаева из Башкирии, Люба Ляхова из Калининской области. Темы такие: первые подснежники и машинисты скоростных поездов; переезд в новый дом и почему надо беречь памятники старины; недостатки и достоинства друзей по школе; достижения пионерской работы в дружине и кто какую музыку любит. Таня Гаенко из Горного лагеря пишет стихи, Лена Добисова — рассказы.

Но, оказывается, вовсе не все юнкоры стремятся стать журналистами. Лена Крехова из Минска уже печаталась в центральной прессе — в «Пионерской правде» и в журнале «Пионер», а между тем говорит вот что:

— Я уже давно, в самом начале этого года, выбрала себе профессию — буду биохимиком. Зифа Давлетбаева хочет стать плановиком-экономистом, Сережа Ячменев мечтает о теоретической математике, кто-то хочет быть врачом, а кто-то — учителем.

— Ребята! А журналистика?

— Журналистика — для души.

ЭХО

Артековское руководство «прикрепило» нас к лагерю Горному, конкретно — к заместителю начальника этого лагеря Николаю Михайловичу Спису, чем доставило нам большое удовольствие. Чего только не знает Николай Михайлович! Начиная с артековских традиций — от первой до последней.

— Послушайте, Николай Михайлович, — спрашиваю, — что-то я не слышу старых артековских песен «Везут, везут ребят» и «У причала качается катер»? Не поют?

— Поют, только ритмы теперь другие.

Я мрачно подумала: конечно, ему лучше знать эти другие ритмы, раз ему всего 28 лет. И обиделась за старые песни. Обижалась до следующего утра. А утром отряды Горного поехали на экскурсию, и Николай Михайлович все размышлял, с кем бы нас отправить: с теми, кто едет в Никитский ботанический, или в подшефный совхоз, или в Ливадию? А тут девятый отряд алмазников позвал нас с собой в Алупку.

— Не знаю, не знаю, — сказал Николай Михайлович, — а вдруг вы плохо поете?

— Мы!?

И вот все уцепились за Николая Михайловича и не выпустили его из автобуса — поехали! И песни ехали с нами всю дорогу. Алексей Петрович, вожатый, все пытался в микрофон рассказать про окрестности, да где там! Песни рвались из ребят, как птицы из силков. Девятый отряд доказывал Николаю Михайловичу и, сам того не подозревая, мне, как хорошо поют теперь в Артеке! Про молодость молний пели; про то, как по утрам здесь заря бьет в барабаны, и горят у людей на груди галстуки, словно треугольные рассветы; про то, что море седое и чайка седеая, а морская душа — всегда молодая.

Берет у Алексея Петровича микрофон голубоглазая Люба, голос у нее низкий, сильный, и поет она на языке коми; якут Сережа исполняет что-то древнее и экзотическое, Хушет — таджикскую песню, Светлана и Мирослав — украинские. Были песни литовские, белорусские и горские в исполнении чеченских пионеров. И знает эти песни, оканчивается, уже весь отряд. Николай Михайлович тоже поет их. А самоделки на тему дня он не поет, потому что они смешные, нельзя же сразу и петь и смеяться. Потом Алексей Петрович опять берет микрофон и с большим подъемом возвращает нас снова в русло ар-

тековского фольклора. И тут выясняется, что Алексей Петрович по образованию хореограф, а работает вожатым потому, что... Ну, словом, по той же самой причине, по какой трудится в Артеке географ Спис: призвание у них такое — работать в Артеке.

Мне, конечно, все же хочется, чтобы не забывались старые песни. Но о том, какие лучше, теперь уж никогда спорить не стану. Мне очень даже по душе новые ритмы Артека, его новое время и новые песни.

КОРНИЛОВЫ

Их тут трое. Ким Яковлевич работает в Артеке уже четверть века, сейчас заведует космической выставкой. Создавал ее бывший авиатор Корнилов вместе с Гагариным. Юрий Алексеевич прислал сюда медицинские и спортивные приборы, на которых тренировались первые космонавты. Он и костюм свой тренировочный, рабочий подарил Артеку. И действующую модель выхода человека в космос Гагарин и Корнилов задумывали вместе.

У Лидии Кузьминичны Корниловой, жены Кима Яковлевича, в библиотеке все блещит: полки, столы, окна, яркие корешки книг; а сама она крутится как белка в колесе: здесь постоянно толпятся вожатые. Вот уж не думала я, что на свете существует столько книг по методике пионерской работы! И, наверное, такой полной специализированной библиотеки нигде нет.

Их сын Валерий Кимович преподает краеведение в школе пионерских работников.

— Вы, конечно, знаете, что значит слово «артек»? — спрашивает он новичков.

— Знаем! Ласточка! Перепелка!

— В переводе с древнегреческого «ортеки» — это место отдыха перепелов, и они действительно тут отдыхают во время перелетов. Но вот был у нас в Артеке гость — брат Никоса Белоянниса, Христос, — один из крупнейших топонимиков мира. Он согласился с нашим толкованием, но добавил, что на языке предков нынешних осетин — древних аланов — тоже есть такое слово — «артек», и означает оно спуск с горы.

— Конечно, — радуются уже кое-что узнавшие новички, — с гор можно прекрасно спуститься по берегам четырех артековских речек — Кумака-дере, Путанис, Суук-су и Черкес-дере!

— Да, можно бы вполне на таком толковании остановиться, если бы не было еще десятка других, — резонно замечает Валерий Кимович...

Как в калейдоскопе, предстают сначала перед будущими вожатыми, а потом из их рассказов и перед ребятами пестрые крымские века, оживают герои, ярче, зримее встает наша эпоха, вызывая еще большую гордость и любовь.

***

Я хотела бы рассказать о каждом работнике Артека, а их много. И о каждом пионере, а всего здесь бывает 27 тысяч в год. В блокнотах пестрит мозаика отдельных артековских тем. Это школа, где без домашней подготовки, с помощью разных игр и конкурсов ребята зимних смен легко усваивают программу. Это «Играй-город» — день национальных игр. Открытие клуба «Олимпия», похожего на всемирную олимпиаду в миниатюре. Встречи с самыми интересными людьми нашей страны и с гостями из-за рубежа — они, побывав здесь, влюбляются в Артек на всю жизнь. Конкурс балльных танцев. День рисунков на асфальте. Пионерская почта — ведь за пятьдесят лет здесь побывало пятьсот тысяч ребят, можно представить себе, сколько писем пересекает страну от артековца к артековцу, и от них — в Крым, к вожатым.

Но и у меня есть свой горн, он напоминает: пора. Остался за спиной главный артековский въезд, и уже с шоссе, сверху я еще несколько минут смотрю на главный пионерский лагерь страны, золотой от солнца, синий от моря, алый от галстуков и пилоток. Будь счастлив, Артек!